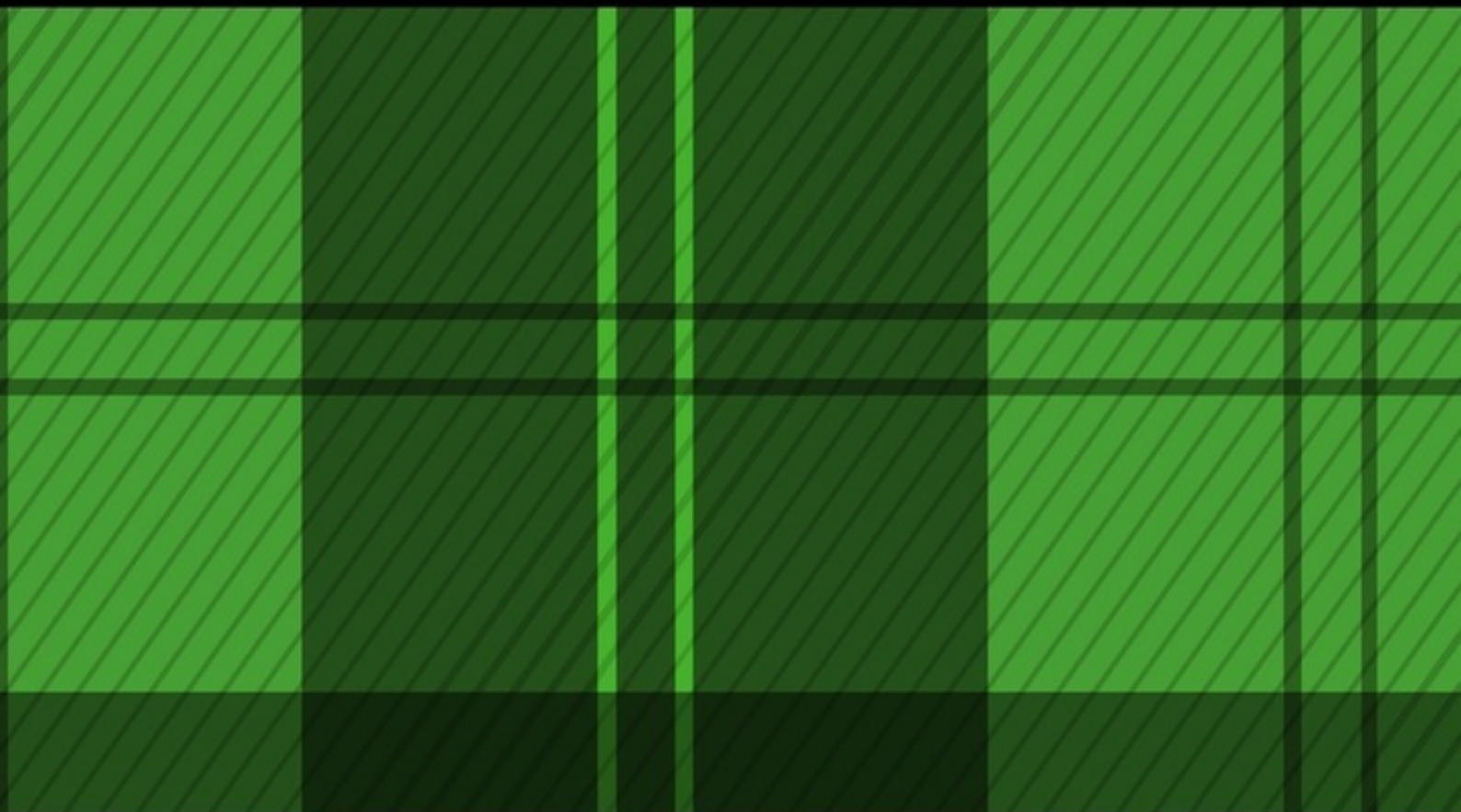

В. Б. Ли

ХАРАКТЕРНИК

Книга вторая. На переломе

В. Б. Ли

**Характерник. Книга
вторая. На переломе**

«Издательские решения»

Ли В. Б.

Характерник. Книга вторая. На переломе / В. Б. Ли —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836181-4

Герой меняет судьбу запорожского и всего днепровского казачества,
Российского государства. Великий гетман и первый генерал-губернатор
Югороссии.

ISBN 978-5-44-836181-4

© Ли В. Б.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Характерник
Книга вторая. На переломе
В. Б. Ли

© В. Б. Ли, 2017

ISBN 978-5-4483-6181-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Пять лет назад я, вернее, мое сознание перенеслось из 21 века в далекое прошлое, 1670 год. Произошло это при трагических обстоятельствах, в темную ночь в глухом алматинском дворе я вступился за неизвестную девушку и погиб от рук ее насильников. Моя душа неведомым обычному разуму образом вселилась в телесную оболочку юного казака, воспитанника запорожского мага-характерника. Его душа покинула хозяина после странного падения юноши с коня, немыслимого для того, кто с раннего детства, едва ли не научившись ходить, твердо сидел в седле скакуна. Наверное, какое-то провидение, божий промысел predetermined мою судьбу в этом жестоком мире, даровав вторую жизнь, вынес мне свое высшее предназначение.

Наставник Ивана Свирькова, так звали моего предшественника в юном теле, едва ли не с первого взгляда определил подмену его личности на мою, но не стал противиться случившемуся, напротив, отнесся с полным участием, помогая в первых моих шагах, в буквальном смысле, в новой жизни. Сейчас, когда учителя нет уже рядом, он ушел в мир иной, дай господь ему упокоение, ясно осознаю, какую огромную роль сыграл наставник в моем успешном вращении в Запорожском братстве, раскрытии особых способностей, щедро посланных мне всевышним. Также божье благоволение сказалось во встрече с замечательной личностью, легендарным кошевым атаманом Сирко Иваном Дмитриевичем, взявшим меня под свою опеку по ходатайству наставника.

Под присмотром своих опекунов учился казацким наукам, владению оружием, конем, джигитовке, единоборствам, а особо в освоении своего дара. Он оказался исключительным, по словам моего наставника, я в самом скором времени сумел уже пользоваться им, вместе с учителем лечил людей, мог совершать наговоры, отводить глаза, внушать и управлять сознанием, даже левитировать и вызывать огонь. Меня ожидало будущее сильнейшего характерника, но я обратился к более земным заботам, лекарству и боевым походам казацкого братства. Да к тому же женился на любимой женщине, что характерникам не позволительно, считается, что семейная жизнь отнимает от мага его энергию и силу. Но я не жалел о сделанном выборе, моя жизнь стала богата незаурядными событиями и семейными радостями.

Во мне скрытно стали меняться склонности и нравственные ценности, я, никогда ранее не увлекающийся воинскими забавами и познаниями, стал находить волнующим и захватывающим боевые походы, сражения, меня больше не поражали и не возмущали жестокость, коварство и измена ради победы над врагом, стал лучше понимать вольный нрав разбойного народа, которым по сути и было запорожское казачество. Получил признание своих воинских способностей у казаков, Сирко назначил меня сначала сотником, а после Рождественского побоища османско-татарского войска – куренным атаманом, не взирая на мой юный возраст. В походах, во взятых городах и крепостях сам до грабежей и насилия не опускался, но давал спуску подобным деяниям окружающих казаков, они в природе вольного братства, одновременно ее не поменяешь, нужна кропотливая и долгая работа с негарантированным успехом. Но придется браться за нее, если есть стремление поменять трагическую судьбу Запорожского воинства и всего Днепровского казачества.

В прежней истории запорожцы стали изгоями на своей родине, когда отпала необходимость защиты южных рубежей от татарских и османских набегов и походов. Своими разбойным поведением и вольницей, изменой вызвали гнев московских государей, начались гонения и лишения, приведших к роспуску днепровского казачества, изгнанию на чужбину самых упорных сторонников своей самобытности. Те же донские или кубанские казаки, напротив, стали оплотом самодержавия, верными его слугами в войне против неприятеля. Надо постараться поменять своенравие запорожцев, их изменчивость в выборе союзников на верность москов-

скому государству, не искать выгоду в кознях врагов русичей. Такую мысль я всеми мерами приносил своему благодетелю, в конце концов достиг некоторого успеха, Сирко выбрал сторону Московии, а не Речи Посполитой или Османской империи, связями с которыми он придерживался в прошлой жизни.

Атаман деятельно принялся склонять правобережных гетманов к союзу с Московским государством, наиболее влиятельный из них, Петр Дорошенко, державшийся прежде Османской империи, внял уговорам Сирка. Осенью этого, 1675 года, он поклялся в верности царю и передал власть на Правобережье ставленнику Москвы левобережному гетману Самойловичу. Тем самым началось объединение разделенного Андрусовским перемирием между Московией и Речью Посполитою днепровского казачества, преодоление междоусобной Руины, когда братья казаки с разных берегов Днепра шли войной друг на друга по воле сильных государств, держащих под своей рукой многострадальный край казаков. В переговорах с гетманами кошевой привлек меня, я стал особым посланником атамана, много раз ездил по его поручению к гетманам, польскому королю, московскому наместнику, сам при случае убеждал противную сторону. За заслуги в ведении переговоров Сирко назначил меня есаулом, своим главным помощником по внешним отношениям Сечи с другими сторонами.

Глава 1

В мае 1676 года русские войска переправились через Днепр и вошли в правобережное гетманство, теперь присоединенное к Московскому государству по договору с бывшим гетманом Дорошенко. Однако вхождение гетманства в Русское царство и назначение новым гетманом Самойловича не было узаконено в глазах казаков общим решением Рады, поэтому ввод русской армии, неуважение к мнению правобережного казачества вызвали ропот среди немалой ее части. Такой шаг Московии также нарушал заключенное ею с Речью Посполитой Андрусовское перемирие, что вызвало понятное недовольство Варшавы.

Ради истины надо заметить, что она по сути сейчас не контролировала Правобережье, захваченное Османской империей три года назад, но лелеяла мысль вернуть потерянные земли. А тут ее прежнюю вотчину как на блюде преподносят извечному врагу, с чем король Ян III Собеский никак не мог согласиться. В том же мае он направил свою армию в Подолию, также к Киеву и Чигорину для восстановления власти Речи Посполитой в Приднепровье, при этом одновременно перекрывая путь русскому войску на свои законные, как считал король, земли. Создалась реальная угроза новой войны между двумя государствами, до этого объединившихся перед общим врагом – Османской империей.

Но нет худа без добра, войну между временными союзниками остановило вторжение сто тысячной османской армии под командованием Ибрагим-паши в Подолию и Правобережье, им пришлось снова объединиться для отпора главному врагу. На этот раз против османов встало все казачество, в отличие от прежнего вторжения Порты, когда Дорошенко принял ее сторону. Запорожская Сечь направила свое воинство численностью 20000 казаков на помощь братьям с правобережья. Его возглавил сам кошевой, своими помощниками назначил есаула Крыловского и меня. В мое подчинение передал группу из пяти полков, буду выполнять свои задачи, действовать автономно от основного войска, также, как и Крыловский.

Вышли в поход в середине июня, движемся тремя колоннами, по центру основная группа кошевого, моя на левом крыле. Сирко торопит нас, идем скорым маршем, бои с захватчиком все ближе, на подступах к Умани и Гарду. Мы направляемся к Гарду вдоль Ингула, до него нам даже быстрым маршем надо неделю. Каждая колонна идет с охранением, здесь нередко можно встретить татарские разъезды, на моем крыле в особой мере. Стычки с неприятелем начались уже в первый день, как мы вышли к Ингулу, татары нападали из самых неожиданных мест, у нас появились первые потери в охранении. Из-за сжатых сроков не можем вести полноценное наблюдение в зоне движения, приходится на ходу отбивать наскоки, отвлекаться на их поиски и преследование нет времени. Но все же с минимальными жертвами успели вовремя выйти к заданному рубежу, выручили казаков Бугогардовой паланки, отбивающихся от османо-татарских отрядов у стен своей слободы.

В Гарде встретились со старшиной паланки, ее атаман рассказал нам о сложившейся на фронте ситуации. Здесь против нас стоит одна из группировок неприятеля численностью около 30000 человек, большей частью татары. Главное наступление ведется на Умань, основные бои ведутся там, вместе с казаками гетмана Гоголя против осман воюют казачьи отряды Самойловича с левобережья и русские полки под командованием Ромодановского. Бои идут трудно, наши войска медленно, но отступают, сказывается не согласованность совместных действий казаков и стрелецких полков. Под Гардом только правобережные казаки, с их паланки и ингульской, севернее стоят кодацкие, пока удерживают позиции, но с трудом, помощь Сечи пришла вовремя. Основной неприятельский лагерь стоит у Южного Буга, оттуда отряды выходят на штурм слободы и хуторов, большая часть округа в руках татар.

Казаки обороняются вокруг своих поселений, стать сплошной стеной с засеками и валами не хватает сил. Татары пользуются этим, скрытно подбираются и неожиданно штурмуют, нано-

сят несколько залпов стрел, выбивают защитников, после скрываются и так за разом, пока не обескровят оборону, затем без особых своих жертв занимают казацкие укрепления. Вместе со старшинами паланки определяем с расположением своих полков, застав и засек, мне тоже установили участок. Такая позиция меня не совсем устраивает, тактика от обороны вряд ли даст решающего успеха над врагом. Предлагаю моей группе дать особое задание, пройти рейдом по тылам противника, разгромить его лагерь, а после встречными боями моих драгун уничтожить вражеские отряды. Высказанное предложение вначале обескуражило старшин и атаманов, подобная тактика пока не применяется в оборонительных сражениях, но поддержал кошевой, с сомнением, но все же приняли мой план.

Собираю командиров полков группы, разъясняю поставленную нам задачу, а потом вместе прорабатываем свои действия в ходе рейда, взятии неприятельского лагеря, встречных боях. Драгунская тактика всем хорошо известна, поэтому особых сложностей с планированием операции у нас не оказалось, через день подготовки необходимого снаряжения и припасов выходим на свое первое задание. У каждого полка свой маршрут, расходимся сразу после выхода из нашего лагеря. Им я дал команду на первом этапе пройти вдоль Буга, громить тыловые части, обозы, склады, в условленный час собираемся у неприятельского лагеря, будем его штурмовать на рассвете под моим покровом, скрытность я обеспечу.

В течении двух дней мы прошли вдоль Буга по тылам неприятеля, уничтожали его запасы и снаряжение, не вступая при этом в затяжные бои, залповым огнем сносили заслоны татар, а после нанесли главный удар по вражескому укреплению. На рассвете я взял под контроль охрану лагеря, наши казаки проникли к шатрам, без шума, криков и выстрелов перерезали всех их обитателей, свыше пяти тысяч, а потом сожгли все, что возможно. В последующих схватках сами искали встречи с противником, спешенные драгуны залпами разметали строй конных татар, а затем преследовали неприятеля до полного уничтожения. За нами подобную тактику боев с татарами переняли другие полки и отряды казаков, в течении еще недели с основными силами противника было покончено, его остатки ушли за Буг.

Кошевой дал нам приказ идти на Умань, уже оставленный русскими полками и казаками, будем отбивать его своими силами, не дожидаясь помощи отступивших войск. Идти на соединение с ними Сирко не стал, в царящей между ними сумятице толку от нового войска будет мало, только добавится неразберихи. Решил действовать самостоятельно, по примеру нашей группы пойти по тылам османской рати. К нашему воинству присоединились казаки из воевавших с нами паланок, на здешнем участке противника уже нет, решили помочь собратям в Подолии. Да и успешные совместные боевые действия привлекли их к нам, загорелись охотой дальше вместе бить чужеземного врага. Основная часть нашего войска пойдет по прифронтовой зоне, поможет с вражеского тыла отступающей русской армии, оттянет на себя осман.

Моей группе атаман поручил пройти вдоль Буга, разгромить тыловые части и коммуникации неприятеля, присоединиться к основному войску под Уманью. Передал мне половину из восьми тысяч местных казаков, я распределил их по полкам, пусть учатся нашей науке воевать с бывальыми бойцами. Через день после получения приказа выступил со своими полками походным маршем на север по левому берегу Южного Буга. Местность по нашему маршруту степная, равнинная, но испещрена балками и оврагами, чередующимися с холмами, удобных для засады мест предостаточно. Не стал форсировать наше продвижение, распорядился командирам полков больше внимания уделить скрытности и разведке, вовремя обнаружить вражеские ловушки и устраивать свои, если появятся вражеские отряды. Каждый полк идет своим коридором, с уступом от рядом идущего, начиная с берега.

Первый вражеский разъезд заметили на второй день своего марша, наши передовые дозоры скрытно подобрались к нему, в коротком бою уничтожили осман, захватили живым только их командира. Я сам допросил его, за минувшие годы сносно освоил татарский и близкий к нему османский языки, без особого усилия взял под контроль волю, а дальше только зада-

вал вопросы, пленный охотно, с подробностями отвечал на них. Вызвал расположение ближайших отрядов, складов, транспортных путей, места переправ через Буг, других коммуникаций. Информацию получил богатую, в ее достоверности нет оснований сомневаться, обдумал план нашей операции по разгрому находящихся в этом районе османских частей и баз снабжения.

Вызвал командиров полков и сотен в свою штабную палатку, привел им подробный расклад сил в неприятельском тылу, после выдал каждому из полков свою задачу. Они будут выполнять их самостоятельно по своим направлениям, за собой оставил общую координацию. Выслушал мнения и предложения командиров по выполнению общей задачи, вместе обсудили и приняли решение. В ходе обсуждения я давал возможность каждому присутствующему высказаться, приводить свои доводы и аргументы, тем самым поощрял инициативу младших командиров, осмысленный и творческий подход в решении поставленной задачи. Но жестко пресекал общие разглагольствования и пререкания по принятому приказу, чем иногда грешили старые командиры.

Полки разошлись вдоль Буга выполнять свои задачи, я с двумя полками занял участок у села Четвертиновка близ Ладыжина, главной османской переправы. Здесь четыре года назад, в 1672 году, войска Дорошенко и Ханенко сошлись в бою против друг друга, первый стоял за осман, второй за Речью Посполитую. Сейчас о той братоубийственной битве, унесшей свыше 3000 казачьих жизней, ничто не напоминает, все поросло травой и забвением. Скрытно, ночью, выстроили вдоль берега цепь редутов с валом и рвом для круговой обороны, в каждом оставили по сотне стрелков с большим боезапасом, походную артиллерию – гарматы (фальконеты). Со стороны степи выкопали окопы, там тоже посадили драгун-стрелков, оставшаяся конница скрылась в балке поблизости, наш резерв и ударная сила по бегущему врагу.

Бои с неприятелем на переправе велись с самого утра следующего дня, захватывали обозы, били османские и татарские отряды с правого берега, а затем пришедшие им на подмогу части со стороны Умани. Атака шла за атакой, с обеих сторон, но мои бойцы держались стойко, огнем сбивая напор штурмующего нашу линию обороны неприятеля. Иногда, по сигналу трубачей, вступала в бой наша конница, сметая наступающие вражеские ряды, обескровленных залпами стрелков. Сражение шло два дня, пока к нам на подмогу не пришли полки, совершившие свои рейды по османским тылам. Вместе с ними отбили потерявшие напор атаки, а после принялись преследовать и уничтожать вражеские отряды на нашем берегу. Переходить на другой берег и штурмовать Ладыжинскую крепость, основной опорный пункт осман на этом участке, не стали, такая задача пока преждевременна, сначала надо освободить Умань и очистить его окрестности от неприятеля.

Так, в боях с вражескими отрядами, встававших у нас на пути, дошли до казацкой твердыни – Умани, захваченной неприятелем. Штурмовать ее в лоб не стали, османы наскоро восстановили его укрепления, поставили на стенах и башнях артиллерию, пусть и немногочисленную, неподготовленный приступ приведет только к лишним потерям. Мои полки обошли крепость по кругу, взяли в полное кольцо блокады. Полковой артиллерии, чтобы подавить огонь вражеских пушек у нас нет, придется взять крепость другим путем. Сразу приходит в голову моя с Сирко операция с взятием под контроль стражи ворот и ночной штурм специальными отрядами в наших походах к Газы-Кермен и Крым. Сейчас Сирко нет, но, думаю, после Рождественского побоища для меня не составит проблемы самому справиться со стражей или даже всем гарнизоном крепости.

Передал командиров полком приказ подготовить штурмовые группы с казаками-скалолазами, ночью в условленный час приступить к взятию стен по всему периметру, стражу на них я возьму под свой контроль. Перед самым рассветом приступил к своей операции, без особых трудностей охватил всю крепость своим полем, обозначил ауры стражей, как и в Рождественскую ночь, просто обездвижил объекты своего влияния. Сил на удержание воздействия ушло на этот раз намного меньше, я держал подопечных в фоновом режиме, видел атаку штурмовых

отрядов, а потом полков в полном составе, их движение от стен крепости к центру, при этом ауры осман гасли одна за другой. Когда рассвело, вся крепость оказалась занята нашими войсками, практически без потерь.

Еще перед началом похода на Умань предписал всем командирам, от полков до сотен, местных жителей в освобожденных селениях и городах не трогать, только осман и татар, здесь наши люди, обижать их не позволю. Предупредил, за нарушение сего распоряжения взыщу строго, накажу как самих грабителей и насильников, так и их командиров. Пусть пеняют на себя, но не остановлюсь перед самыми строгими мерами, вплоть до казни. По-видимому, проняло не всех, в первый же день после освобождения крепости поступили многочисленные жалобы в мою канцелярию от местных торговцев, кустарей, работных людей, особенно евреев, поляков, русинов на притеснения, грабежи, изнасилование их жен и дочерей. Произошло то, что я собирался изжить в своем народе – жестокость и жажду наживы любым путем, даже против своих соседей.

Я потворствовал таким выходкам лихих воинов в захваченных вражеских городах, крепостях, но на своей земле нельзя. На следующий день собрал на центральной площади Умани на круг всех казаков своего войска. Когда оживленно гудящий народ, гадающий по столь необычному в походе событию – общему собранию, немного угомонился, вышел в центр круга и громко, на всю площадь, произнес: – Братья казаки!

Казаки замолкли, тысячи глаз ожидающе смотрели на меня. Так же громко продолжил, выговаривая с небольшой паузой каждое слово:

– Собрал я вас на суд над своими товарищами, преступившими божьи заповеди и законы нашего братства. Перед походом мною был дан приказ, местных людей не обижать. Мы не тати, а братья, пришедшие на помощь. Объявили ваши командиры сей приказ?

В настороженно молчащем строю в нескольких местах раздались ответные крики: – Объявили, пан есаул!

– Какое же наказание по закону товарищества следует за неисполнение приказа командира в боевом походе?

Минуту стояла тишина, никто не хотел выносить приговор своим товарищам за пустяжное по мнению многих казаков прегрешение. Наконец, кто-то не выдержал нервного напряжения, повисшего на площади, возмущенно выкрикнул:

– Есаул, разве можно казнить своего брата, боевого товарища, немного пошукавшего какого-то жида?

Выдержав паузу, отвечаю бузотеру:

– Казак, выйди в круг и представься, как службой предписано!

Тот замялся, но все же выполнил мой приказ:

– Десятник ингульского куреня Козак, пан есаул!

Все понятно, боец из числа присоединившихся к нам в Гарде правобережных казаков, воспринимает меня как юнца, неизвестно за что удостоенного высокого чина, а не заслуживающим уважения боевым командиром.

– Десятник Козак, ты считаешь, что приказ можно не исполнять, если он тебе не нутру. Так?

Казак молчал, ему нечем ответить. Отпускаю его: – Десятник, вернись в строй. – А потом обратился ко всем:

– Кто еще так считает, приказ казаку не указ?

Круг молчал, даже несогласные не осмелились пойти против главного закона воинского братства. Продолжаю:

– А теперь по самому приказу. Нашему воинству нельзя на родной земле стать татем мирному люду, в Подолии или на Слобожанщине, северском краю или Запорожье. Если будем бесчинствовать, то терпение народа иссякнет, призовет на нас гнев божий и человеческий, ста-

нем изгоями, всем чужими и ненужными. Пока терпят нас, обороняем от османских и татарских недругов, но нет к нам веры и приязни. Я же хочу, чтобы мы стали едины со всем народом, евреями или русинами, все равно, быть ему защитником, а не врагом. Всем понятна суть моего приказа?

Из круга раздался нестройный возглас согласия, основная масса казаков продолжала сохранять молчание. Но ропота не последовало, это меня обрадовало, хотя бы нет явного протеста вольного братства. Ясно понимаю, что до коренной ломки его разбойной природы ой как еще далеко, но первый шаг сделан и он не вызвал бунта, дает надежды на некоторый оптимизм в будущем. После начался сам суд, приглашенные жалобщики выходили к казакам, высказывали свою обиду, тут же устраивали следствие с виновными и решали с их наказанием. Я немного смягчил наказание, не стал применять казнь за нарушение приказа, довольствовался вирой пострадавшим за нанесенный урон. Ограбленным возвращали их добро и еще столько же отдавал провинившийся казак, наложенный на насильников крупный штраф выплачивался жертвам из общей кассы, потом вычетом из причитающейся доли.

Такая мера наказания не вызвала общего недовольства казаков, если не считать прощтрафившихся, которых потеря серьезной доли добычи немало удручила, но утешались тем, что остались живы, а не забиты камнями, как казнили военных преступников. В последующем к нарушителям за подобные проступки также накладывали начеты, смертную казнь применяли редко, за самые серьезные преступления. Не сразу, постепенно, грабежи и насилия в моих полках сошли на нет, также, как и нарушения каких-либо приказов. В ходе проведения последующих операций по освобождению прилегающих к Умани земель подобные эксцессы происходили редко, к середине июля, до прихода основного войска, мы полностью очистили от неприятеля весь округ, отбивали атаки осман, отступавших по нашей земле.

К Умани вместе с нашими полками подошло объединенное войско русского воеводы Ромодановского и казаков Самойловича, сумевших с немалой подмогой от запорожского воинства переломить ход войны с османской армией, остановить ее наступление, а затем отбросить назад. Сейчас они продолжают громить части неприятеля, идут в направлении к Бугу и дальше до самого Днестра, освобождать всю Подолию. Нашему войску поручено идти к югу, в Причерноморье, брать османские крепости в междуречии Буга и Днестра. Вместе дошли до переправы у Ладыжина, повернули по правому берегу Буга вниз по течению, мою же группу кошевой отправил к Днестру, громить крепости и османские отряды по ее левобережной стороне.

Наше продвижение замедлилось, с нами обоз и полевая артиллерия, переданная запорожскому воинству Ромодановским для взятия крепостей. На марше к Днестру встретили разрозненные отряды татар и осман, основные их войска севернее, отбиваются от русских полков, а также под Каменец-Подольском, где наступает армия Речи Посполитой. При виде моих полков неприятельские отряды тут же уходят прочь, в бой не вступают, а мы их не преследуем. Вот так, без особых трудностей и боев прошли междуречье, вышли к Днестру у Сорокской крепости. Здесь переправились на правый, молдавский, берег и подступили к османской твердыне. Укрепления в нем основательные, высокие каменные стены и башни, много артиллерии, да и османов там немало, свыше 3000 человек, эти сведения дал пленный, взятый нашими разведчиками у переправы.

Брали крепость привычным нам образом, единственно перед началом штурма взял под свой контроль стражу у ворот и на стенах, дальше наши бойцы давно отработанным и согласованным действиями уничтожили осман в опорных пунктах, а после зачистили от остатков неприятеля на улицах и дворах. При этом случались факты излишней жестокости, когда при малейшем сопротивлении вырезались семьи жителей, не только османских, несмотря на мое распоряжение без особой нужды не прибегать к убийству мирного населения. О грабежах и насилиях речи нет, тут казаки разошлись после воздержания на своих землях, брали все, что

представляло какую-либо ценность, на глазах мужей и отцов насиловали их жен и дочерей, вступившихся за честь своих близких убивали на месте.

Запретить казакам убивать и насиловать во взятой вражеской крепости я не мог, только через командиров выразил недовольство чрезмерной их жестокостью, предписал в последующем обходиться с мирными жителями не столь радикально. Понимаю, вряд ли казаки перестанут злодействовать в последующем, но все же как-то будут остерегаться, не нарушать явно мое указание чрезмерными убийствами и резней. После разграбления крепости с заметно пополнившимся обозом направились вниз по течению Днестра, к хорошо знакомому многим Тягину. Через неделю в целом спокойного пути, с редкими стычками и наскоками осман и татар, подошли к крепости, повторили здесь подготовку и захват крепости, обошлись, как и в Сороках, с малыми потерями у нас. За весь поход в открытых сражениях и взятии Умани, Сороков и Тягиня убитыми и ранеными у нас менее двух тысяч бойцов из числа десяти тысяч, с которыми я вышел из Гарда. При таком масштабе боевых действий, проведенных нами, потери чрезвычайно малые, выбили противника в пять раз больше.

После Тягиня переправились на левый берег Днестра и двинулись обратно к Бугу, на соединение с основным нашим войском. По нашему плану, принятому еще в Умани, основная группа к этому времени должна взять Очаков, а Крыловский со своими казаками пройти и зачистить от татар правобережье Днестра от устья до Газы-Кермена. Через неделю подошли к Бугскому лиману, здесь тепло простились с правобережными казаками, за время похода сблизилась с ними душа. Ко мне их отношение за два месяца изменилось заметно, с начальной настороженности до полного уважения и доверия, даже попросились со мной в следующие походы, дать им ключ, они тут же отзовутся. На условленном месте основной группы Сирко не застали, после дневного отдыха пошли дальше вдоль Ингула к Газы-Кермену, последнему татарскому оплоту перед завершением нашего похода.

Глава 2

В татарской крепости и ее окрестности застали группу Крыловского. Его полки взяли твердыню два дня назад, теперь готовятся к штурму Таваньской, на острове, напротив Газы-Кермена, разбивают полевыми пушками вражеские башни и артиллерийские казематы. Встретились мы с Василием Петровичем душевно, он сохранил ко мне дружественное отношение еще со времен посольства в Москву. Пригласил меня в занимаемые им апартаменты бывшего командующего гарнизоном крепости Махмет-паши, пообедали горячим борщом и кашей с бараниной, запили новомодным чаем. За столом много говорили, рассказывали о прошедших боях, интересных случаях во время похода. После обсудили предстоящий штурм Тавани, предложил Крыловскому свою помощь в нейтрализации стражи, он принял с признательностью.

На рассвете по сигналу есаула парализовал татарскую стражу и удерживал в таком состоянии, пока не погасли последние ее ауры, полки Крыловского вошли в крепость. Дальше их штурмовые группы с привычной сноровкой взяли все укрепления, бои перешли на улицы и дворы, до обеда с татарами было покончено. Еще день казаки собирали трофеи, снаряжали дополнительный обоз, присоединившийся к нашему, два дня дожидались прихода основной группы Сирко. Мы с Крыловским отчитались перед атаманом о своей части похода, затем он тоже поведал нам о ратных делах, захваченных крепостях на Буге. Невольно почувствовал самодовольство, наша группа за то же время добилась гораздо больших успехов, да и крепости у нас мощнее и богаче, перебили больше осман и татар, взяли большую добычу, чем остальные группы, а потерь допустили меньше. Такую картину заметил Сирко, похвалил меня за проведенный группой Днестровский рейд.

В середине августа наше войско вернулось в Сечь, после распределения дувана, мы с Крыловским руководили этим хлопотным процессом вместе с сечевым казначеем и главным писарем, отпустили семейных казаков в свои хутора и слободы, сам я тоже ушел на месяц в отпуск. Перед расставанием Сирко предупредил меня, что осенью, после Покрова, планируется поход на чайках к османским крепостям и предложил возглавить его. Сил самому вести у него все меньше, возраст дает знать, уж семьдесят лет, надеется на меня, что постепенно заменю его в сечевых заботах. Он впервые заговорил со мной как будущим преемником, до сих пор не жаловался на свою немощь. Принял с благодарностью предложение старого атамана и дал согласие. Правда, назначение походного атамана будет решаться казачьим кругом, но кошевой уверен, что сечевое товарищество примет меня, уважения казаков ко мне в минувших походах и сражениях я завоевал немалое, да и верят они в удачу со мной.

Покончив с неотложными служебными делами, отправился к себе в хутор, а там меня заждались, второй день как войско вернулось, а меня все нет. Примерно такими выражениями встретили меня подруги, не скрывая слез радости, обнимали и целовали меня. Малыши вокруг прижимались ко мне, прося внимания к ним, каждого приласкал, одарил приготовленными заранее заморскими игрушками, взрослых платьями и золотыми украшениями с драгоценными камнями. Когда сошел первый поток эмоций, сели за стол в гостиной, жены дали мне спокойно поесть, а потом засыпали вопросами, едва успевал отвечать. После со своими хозяйками обошел двор и постройки, наметил срочные работы, необходимые материалы и снаряжение, со старшими детьми съездил в слободу, набрал всего нужного, так и прошел первый день дома.

Ночь же отдал без остатка соскучившимся по мужской ласке подругам, пришлось мне выложиться всеми силами, но справился, всем угодил, потворствовал всем мыслимым фантазиям жен. У меня возникло подозрение на сговор между ними, делятся «опытом» любовных игр, их ласки стали изощренней и смелей, даже у тихони Насти. В последующие дни занимался с подростками помощниками хозяйственными делами, тут еще потянулись страждущие изле-

чения хуторяне с округи, прослышавшие о моем возвращении. Пришлось почти весь день принимать пациентов, но оставил выходные, своих забот в нашем разросшемся хозяйстве хватает, надо заниматься ими, пока не начался новый поход. Так день за днем, ночь за ночью провел месяц отпуска, а потом вышел на службу, по поручению атамана стал готовить нужное снаряжение для похода.

В Войсковой Скрабнице, сечевом хранилище на одном из островков в устье речки Скрабной, отобрал полторы сотни чаек, годных для плавания, походные пушки, картечь и ядра к ним, порох, походные шатры, пологи, другие припасы и справу, вплоть до барабанов (литавр) и сигнальных труб. Потом с перегонной командой накануне праздника отвел суда с имуществом к причалам Сечи, оставил под присмотром своих помощников. В Покров с атаманом и сечевой старшиной отбыл службу в храме, а потом вышел в круг многотысячного казацкого воинства, прибывшего на празднование и в последующий поход. Кошевой поздравил казаков с праздником Святой Богородицы, объявил программу состязаний, а после заговорил о предстоящем походе. Пойдем морем к османским крепостям Аккермен, Килии и Констанцу на ста пятидесяти уже подогнанных чайках, в войске будет десять тысяч бойцов, среди них пожелавшие попытать воинскую удачу казаки с правобережья и Слобожанщины.

А после Сирко перешел к выбору походного атамана, сразу оговорил свой отказ физической и духовной слабостью, силы уже не те. Тут же поспешил утешить приунывшее воинство, сказав:

– Есть в Воинском братстве наша надежда, есаул Свирьков Иван. Годами молод, но уже отличился здравым умом и воинским талантом, к тому же отмечен божьим благословением в чудотворстве. В минувшие походы войско под его командованием свершило немало подвигов, побило много османов и татар, вернулось в большем числе живыми и здоровыми, с немалым дуваном. Я уверен в удаче похода с таким атаманом. Готов в заклад ставить свои седые усы и оселедец, но быть ему великим воином и магом на благо Запорожского воинства!

После такой проникновенной речи кошевой уже деловым тоном продолжил:

– Братья-казаки, вам выбирать, кто поведет вас в непростой поход, но мое слово твердое, лучшего, чем есаул Свирьков, не сыскать. Решайте, казаки.

Минуту после выступления атамана стояла тишина, потом громкий голос из строя моего бывшего куреня прервал ее:

– Иван Дмитриевич, дозволю речь молвить?

После согласия Сирко из круга в центр вышел десятник Василий Трегубов, повернулся к своим товарищам, так же громко приступил к своему обращению:

– Казаки, слово нашего атамана верное, достоин есаул Свирьков вести нас в поход. Шесть лет он с нами, еще юным джурой. Но уже тогда выказал многие таланты, всем казакам известные. Лекарил знатно, характерничал на нашу победу во многих боях. Вел сотню и курень в сражения, мы не знали с ним урона. А уж только чудом, божьим благословением можно назвать его промысел в Рождество, остановил осман и татар, спас всех сотоварищей от верной смерти. Быть есаулу Свирькову походным атаманом, такое решение нашей сотни и куреня. Зову все товарищество пойти с нами.

Десятник задал тон последующих выступлений, никто не пошел против мнения Сирко, все же его авторитет среди казаков огромный. Правда, некоторые казаки выступили с попреками в излишней строгости к насильникам во вражеских крепостях и городах, кошевой встал на мою сторону, резня мирных жителей не красит нас, перед всеми народами предстаем отпетыми злодеями. На обвинение в моих пашнях с вдовицами отвечал:

– Он обидел кого, были сетования от вдовиц?

На отрицательный ответ обвинителя заключил:

– Если все обошлось миром, по доброму согласию, то простим есаулу сей невеликий грех, коль бог прощает ему. Так, казаки?

На общее согласие и смех собравшихся подвел итог обсуждений:

– Мы слушали товарищей есаула по братству, теперь скажите, казаки, избираем ли Свирькова Ивана Лукьяновича своим походным атаманом?

Одобрительные крики прошили по всему кругу, Сирько поднял руку, через минуту наступила тишина. Он торжественно произнес:

– Есаул Свирьков, воинское братство избирает тебя своим походным атаманом. Подойди ко мне.

После, когда я приблизился к нему, кошевой поднял над головой для всеобщего обозрения шестопер, символ власти походного атамана, вручил его мне, а затем передал атаманскую хоругвь. Я принял регалии, повернулся к казакам, поклонился на три стороны, после выступил с благодарностью за доверие и клятвой верной службы воинскому товариществу. Потом, как уже походный атаман, дал приказ всем казакам, идущим со мной в поход, прибыть в Сечь через три дня со всем требуемым снаряжением и оружием. В завершении круга Сирько пожелал нам успеха, а пока хорошо отдохнуть и развлечься на празднике.

После того, когда строй разошелся, мы с кошевым перешли в канцелярию, он поздравил меня с избранием, а потом вместе долго обсуждали предстоящий поход, обязанности атамана. Сирько дал мне немало мудрых советов, как организовывать и вести штурмы, морские и сухопутные бои, удерживать казаков в нужном настрое, о поддержании дисциплины. Я сердечно поблагодарил кошевого за участие ко мне, потом обдумывал его мысли и советы, их рациональное применение в своем первом походе атаманом. До вечера занимался текущими делами, провел совещание с командирами полков, распределили чайки, обсудили порядок движения, прохождение татарских крепостей на Днепре, варианты действий в лимане. На закате дня отправился домой, надо немного отдохнуть от новых забот и впечатлений.

В назначенный день с утра все войско собралось на причалах, расселось по чайках, не обошлось без обычной сутолоки и путаницы. Все суда собрались в заливе, команды разобрались по строю и наконец вышли в русло по основному течению. Первый день пришлось идти на веслах, ветер дул навстречу, в привычном месте устроили ночной привал, ранним утром отправились дальше. Идти стало легче, шли уже на парусах и так до татарских крепостей, здесь встали до прояснения обстановки впереди. Отправил на разведку дозорную команду на чайке вдоль правого берега к Газы-Кермену, она вернулась после заката. Сотник, старший команды, доложил, что в крепости сейчас идут восстановительные работы, Крыловский хорошо побил ее, башни в сторону Днепра уже стоят с пушками, цепь через реку опять натянули. Не стал заморачиваться с бревнами-приманками, как в прошлых проходах, велел заполночь тронуться в путь всем нашим флотом.

На подходе к татарской твердыне накрыл парализующим полем сторожевые башни, на своей чайке подплыли к причалу у речных ворот, команда быстро разошлась по нему, беря под свой контроль. Несколько дюжих казаков лебедкой опустили цепь, а после взломали механизм, выведя его из строя. Также быстро все расселись в чайке и отправились вниз по течению, за нами остальные суда, так и прошли опасный участок, без каких-либо трудностей и неприятностей. Такое начало похода заметно воодушевило казаков, на чайках уже слышался смех и возбужденные голоса после пережитого напряжения. После, когда вошли в плавни, встали на дневной отдых после бессонной ночи. Еще через день к вечеру прошли устье реки, встали перед выходом в лиман, я отправил на разведку две чайки по обе стороны залива.

В лимане дежурил немалый османский флот, разведчики насчитали полтора десятка галер, три десятка галиотов и еще около пятидесяти малых кораблей – бергантин и фустов. В прошлом походе мы тайком, по мелководью обошли осман, Сирько не решился вступить в бой с крупной эскадрой неприятеля. Сейчас же я, понадеявшись на свой дар, надумал идти напрямую, через османскую армаду, захватывая абордажем все ее корабли. Призвал к себе командиров полков, разъяснил им свой план, приняли без сомнений, вера в мои способности

у них абсолютная, как в божественное провидение. Распределили между собой корабли неприятеля, условились излишнего шума не поднимать, никому нельзя дать уйти, флот должен просто исчезнуть бесследно.

Моя самоуверенность едва не подвела, в самой гуще неприятельских галер, когда казаки захватили половину османских судов, почувствовал непонятную слабость, силы на глазах покидали меня. Тут же свернул свое поле, закрылся коконом непроницаемости, а потом стал искать причину недомогания, место прорыва энергии. Осторожно, чуть заметным фоном, выпускаю сигнальные лучи, но ничего подозрительного не замечаю, вокруг естественная энергетическая атмосфера. Усиливаю следящее поле, впереди, на краю видимого горизонта, обнаруживаю темно-серое пятно, туда, как в черную дыру, проваливается энергия моего поля. Мне непонятна природа этого явления, но сейчас некогда выяснять, на османских кораблях поднялась тревога, надо срочно брать их под контроль. Направленно, полусферами восстанавливаю парализующее поле, оставляя свободным от него только сектор в направлении неизвестной опасности.

Пока наши чайки продолжали штурм неприятеля, дал приказ своей команде вести чайку именно в ту сторону, нужно разобраться с этим пятном, подобного я еще не встречал. Вскоре из темноты появилась громада османского корабля, намного превосходящего обычные галеры. Почему наши разведчики не обнаружили заметный галеас, непонятно, но чувствую исходящую от него угрозу, именно здесь источник противостоящей мне силы. Прямым давлением его не взять, он просто поглотит мою энергию, аккуратно выстраиваю вокруг османского корабля стену изолирующей капсулы, непроницаемой для энергетики. Подобное свойство я обнаружил в ходе своих экспериментов над природными явлениями, немало времени занимался его изучением, теперь применил против вражеского мага, в его присутствии на галеасе у меня сомнения нет.

Постепенно сжимаю капсулу, замечаю сопротивление изнутри, продолжаю напор, в какой-то момент сложилось равновесие, вкладываю все оставшиеся силы, уже на их исходе сопротивление мага пропало, я раздавил его. Без сил падаю на нары, бесконечно долгое время прихожу в себя, но встряхиваюсь, бой еще идет, моя помощь нужна казакам. Только на одной воле, за счет своей жизненной энергии продолжаю удерживать поле контроля, на галеасе без мага также все застыли, моя команда подвела чайку к нему, стала взбираться на борт. Только через час, когда небо на востоке начало светлеть перед рассветом, покончили с армадой, я расслабил волю и ушел в забытие. Очнулся к вечеру, весь наш флот стоял вокруг моей чайки у галеаса, без приказа не стали уходить, только согнали сюда все захваченные османские корабли. Сил и желания хватило только поесть, все дела перенес назавтра и снова отключился, теперь нормальным здоровым сном.

Проснулся на рассвете, небо только стало светлеть на востоке. Прислушался к себе, ни следа прошлой слабости, организм полностью восстановил потерянную энергию, только чувствую страшный голод, наверное, от него и проснулся. Встал с нар, немного размялся, с удовольствием испытываю ощущение полного здоровья тела, взял из вещевого мешка продукты, незаметно, кусок за куском, умаял добрую четверть припаса, приготовленного еще дома подругами, запил прохладным взваром. Стараясь не беспокоить еще спящих товарищей, поднялся на возвышающийся нос чайки, осмотрелся вокруг. В полусвете вижу только большие и малые османские корабли, между ними чайки, как малые дети подле матки, принайтованные к галерам и галиотам, позади нас стоит возвышающийся над всеми галеас. Тихо, только слышен слабый плеск волн о борта заякоренных судов. Вернулся на свои нары, не стал никого будить, дожидаюсь общего подъема.

Утром, когда все стали, осмотрел трофейные корабли, отобрал две галеры и пять галиотов получше, с остальных велел снять все ценное, сами корабли сжечь, галеас тоже. Рабов-

галерников отправил на двух галиотах к берегу, пусть решают сами, идти им дальше или дожидаться нашего возвращения, продуктов, снаряжения и оружия мы им выдали с лихвой из захваченных кораблей. Около трех сотен из них помоложе пожелали присоединиться к нам, хотят попытать новое счастье в походе. Я принял их, направил в команды галер и галиотов, добавил к ним казаков из экипажей чаек, сам же со своими помощниками также перешел на галеру. После обеда, закончив со сборами, отправились из лимана в море, не приближаясь к Очакову, взяли курс к Аккерману.

Погода нам благоприятствовала, свежий попутный ветер позволил за два дня дойти до османского порта-крепости. Встали поодаль от него, как стемнело, пошли на чайках в гавань. Выступающие вперед сторожевые башни аккуратно взял под свой контроль, после встречи с османским магом стал внимательнее, действовал своим полем осторожно, не нахрапом, как раньше. Команды с двух чаек, каждая в своей башне, принялись зачищать их, остальные направились к причалам. Казаки привычно старались не шуметь, пусть даже я заранее обездвигил стражу, предосторожность лишней не будет. Часть из них направились к стоящим судам, я с основной группой пошел к воротам крепости. Взяли их без сложностей, штурмовые группы тихо растеклись вдоль стен к крепостным башням и казармам, за ними остальные. Сам я слежу за всей обстановкой в городе и крепости, раскинув над ними сигнальное поле, без нужды не прибегаю к силовому давлению, казаки справляются сами.

Взяли крепость мастерски, бойцы действовали четко, свои операции отработали до автоматизма. Мне пришлось вмешаться только пару раз, когда османы подняли тревогу и бросились в атаку на наши отряды. В самом городе местные жители почти не оказали никакого сопротивления, захваченные врасплох посередине ночи. Казакам не пришлось прибегать к крутым мерам, чтобы изъять самое ценное, обошлось без жертв среди гражданского населения. К утру в основном закончили зачистку от гарнизона крепости и ценного имущества, в течение дня еще добирали в портовых складах, крепостных хранилищах. Да и в захваченных в порту судах оказалось немало интересного добра, перегрузили на свои корабли, османские суда сожгли, остальных отпустили. На следующее утро вышли в море, идем к следующему порту – Килии, в устье Дуная.

В Килии я впервые, но, по рассказу Сирко, крепость в ней такая же, как и в Аккермане, только немного дальше от моря, местность вокруг болотистая, по суше ее сложнее обойти. Сам порт еще дальше, за крепостью, на другой стороне Килийского гирла (протоки). Оставили трофейные корабли у входа в устье, дождались наступления ночи и прошли на чайках по мелководью к самым стенам османской цитадели. Здесь мы разделились, я с основной группой остался брать крепость, есаул Крыловский с отрядом на тридцати чайках пошел дальше, к порту. Также, как и Аккермане, взял под контроль стражу у ворот, казаки проникли в крепость, взяли караулы на башнях и стенах, вырезали осман в казармах, а после прошли по всей территории, зачищая от остатков неприятельского гарнизона. Обошлись малыми потерями, немногим более, чем в предыдущей крепости, что понятно, Килия многим незнакома.

В порту казаки Крыловского уже заканчивали выемку ценного добра на складах и захваченных судах, часть из бойцов еще не вернулась из города, грабят купцов и других зажиточных жителей. Вместе с Крыловским обошел порт, суда у причалов, их больше десятка, кроме османских есть из Венеции, Греции, немецких княжеств. Их команды сидят под замком, казаки обошлись с ними без излишней строгости, да и купцы сами поторопились откупиться от страшных запорожцев, своя жизнь дороже. После, когда все собрались, отправились к устью, задерживаться в Килии ни дня не стали. На следующее утро, уже в море, когда мы шли в последний порт по нашему маршруту – Констанцу, попали в шторм, едва не приведший наш флот к гибели, спасло нас благословение божье, иначе случившееся чудо не назвать.

Как только появились первые признаки буйства стихии – потемневшее на востоке небо, сполохи грозы, усиливающийся ветер, вздымающиеся волны, – поторопились уйти подальше

от побережья. На этом участке нет удобной гавани, которая могла бы защитить наши суда от надвигающегося бедствия, может выбросить на каменистый берег и разбить суда. Через два часа пришлось убрать паруса, штормовой ветер рвал их и угрожал перевернуть наши утлые суденышки. А потом началось светопреставление, волны бросали нас с гребня в пропасть, а потом вновь поднимали до черных небес. Мы уже не видели друг друга, только иногда рядом пронесло летящий корпус какого-то судна. Я в отчаяние, зная, что с такой силой стихии мне не справиться, но от безысходности встал на ноги, рискуя быть смытым за борт, поднял голову к небу и воззвал Господа дать мне силы и спасти людей, доверивших мне свои жизни.

Вложил в крик своей души всю боль, переполнявшую меня за эти часы, что я терял своих товарищей. Через мгновение увидел, не веря своим глазам, небо ответило мне, сквозь сплошные тучи пробился луч света и упал на нас, за ним появилось все увеличивающееся окно чистого, голубого свода, от него расширяющимся конусом пошла вниз переливающаяся радугой стена вокруг нас. И тут же все изменилось, ветер стих, волны улеглись, только легкая рябь шла по воде, сквозь прозрачную стену видно было продолжающуюся буйствовать стихию. Огляделся вокруг, на нашем островке безмолвия увидел почти все свои корабли, даже трофейные, неведомо как собранные с раскидавшего нас моря. Недостающие суда, по-видимому, канули в пучину моря. Люди на кораблях встали на ноги, все смотрели на небо, откуда на нас лился чудесный светло-золотистый свет. Потом кто-то громко воскликнул, показывая на меня, за ним другие, что-то громко крича, разобрал их слова не сразу:

– Спаситель наш, посланник божий!

Понимаю их благодарность, считают меня причастным к чуду, но что-то слишком эмоционально они выражают свои чувства, совсем не похоже на сдержанных казаков. Но еще более поразили стоящие рядом мои товарищи, они встали на колени передо мной и преклонили головы, как будто я в самом деле ангел во плоти. Недоумевая, попытался привести их в более рациональное состояние:

– Братья-казаки, не надо мне кланяться, я же не святой, лучше помолимся Господу за спасение наше!

Один из старших моих помощников, сотник Кулибаба, поднял голову, не вставая с колен, с каким-то восхищением произнес:

– Иван Лукьянович, ты не святой, ты посланник божий, спаситель мира! Он поместил тебя венцом над головой, как сына своего, Христа-Спасителя!

Провожу рукой над непокрытой головой, конечно, ничего не нашел, только почувствовал идущее от нее тепло, посмотрел внутренним взором – вот это да! Действительно, над головой сферой светится золотой венец – нимб, как на картинах у ангелов, поместил меня боже своим знаком! И что же мне теперь делать, быть иконой или идолом не хочу, я обычный человек, пусть и с некоторыми божественными способностями. Вхожу в свое энергетическое поле, пытаюсь втянуть, растворить пресловутый нимб, а он не отзывается, так и остается сиять. Тут уже взмолился, вновь обращаюсь к всевышнему, не надо мне видимый всем знак, я хочу жить простой жизнью на благо своего народа. И только потом светящийся ореол постепенно исчез, слился с общим фоном.

Глава 3

Двое суток бушующее за призрачной стеной море несло нас в неведомом направлении, среди казаков первые эмоции от чудесного спасения постепенно улеглись. В ожидании окончания шторма мы занимались обычными делами – велись разговоры, казаки вспоминали похожие истории или пересказывали легенды, услышанные от стариков, кто-то отсыпался или прачил саблю, чистил самопал, а кто-то молился, благодарил Господа и просил не оставлять без милости детей своих. Когда шторм унялся и море успокоилось, стена исчезла бесследно, ничто больше не напоминало о происшедшем чуде. Вокруг до самого горизонта расстилалась бескрайняя водная равнина, по светилу с помощью нюрнбергского квадранта, солнечных часов и карты рассчитал, в какой части моря мы оказались.

Мы примерно в трехстах верстах восточнее Варны, после обсуждения со старшинами решили идти к нему, порт и город крупнее и богаче намеченной ранее Констанцы, коль судьба и море занесли к нему, грех не воспользоваться. По компасу определили курс, несильный ветер почти в том же направлении. Так и пошли, не быстро, но спокойно, после напряжения последних дней торопиться нам ни к чему, на третий день приблизились к неизвестному мне и большей части казаков побережью, но по его очертанию, сходному с нарисованным на карте (свой портолан Сирко передал мне) видно, что мы вышли почти к самой Варне, немножко южнее.

На совете со старшиной решили брать Варну открыто, я с отрядом казаков войду в порт на трофейных кораблях, беру под свой контроль охрану, бойцы же займут ворота, сторожевые и крепостные башни, будут удерживать до подхода основных сил. Так и поступили, наши галеры и галиоты на закате дня неторопливо, с поднятыми на флагштоках османскими вымпелами, прошли в гавань, приблизились к громадному, самому крупному порту осман на западном, Румелийском побережье. Накрываю всю его площадь парализующим волю полем, аккуратно усиливаю давление, всякое движение в порту застыло. Проверяю, нет ли очагов сопротивления или поглощения моей энергии, после встречи с османским магом перестраховываюсь, но сейчас все чисто, держу окружение под своим контролем. Причалили к пристани, казаки-десантники разбежались по заранее намеченным пунктам – воротам, башням, стоящим в порту судам.

Вскоре подошли к причалам чайки, вал наших бойцов влился в открытые настежь ворота и растекся по крепости и городу, бои пошли по всей его территории. Несмотря на отчаянное сопротивление осман казаки методично, слаженными атаками и огнем отбросили противника от внешней стены, башен и казематов, штурмом взяли внутреннюю цитадель. Я со своими помощниками и сопровождающим отрядом двигался за передовыми группами, помогал им справиться с неприятелем в самых горячих местах, так постепенно, уже в сумерках, заняли всю крепость, а потом и посады за его стенами, казаки принялись за зачистку от остатков осман и грабеж города. Всю ночь и последующий день собирали богатое добро, обирали всех – осман, греков, болгар, армян, евреев. Только по моему предписанию не устраивали резню среди мирного населения, хотя без насилия не обошлось.

Еще больше добычи нашлось в крепостных и портовых складах, на захваченных судах, пришлось занять для нее десятков грузовых посудин. На следующее утро вышли из Варненского залива заметно увеличившейся колонной, взяли курс к дому. Шли до Днепра три недели, тяжелые суда задерживали ход, особых происшествий за это время не случилось, обошли нас стороной шторма и встречи с неприятельским флотом. Только изредка на горизонте замечали отдельные суда, торопящиеся уйти с нашего пути. Так потихонечку вошли в лиман, по известному казакам глубокому руслу провели низко сидящие суда в устье реки, а затем через плавни.

Прошли татарский заслон мимо Газы-Кермена не останавливаясь, среди бела дня. Я со своей командой пошел напрямую к крепости, обездвигил стражу на стенах и артиллерий-

скую службу, высадившиеся из чайки казаки на глазах замерших татар опустили цепь, не забыв поломать лебедку, спокойно уселись обратно. Мы пропустили мимо всю нашу колонну, а после, уходя, я нанес энергетический удар по аурам неприятельских воинов, сжигая их, они вспыхнули искорками и погасли. До этого я не практиковал уничтожение противника своим полем, максимум воздействовал на волю подопечных, после же чуда в море обнаружил такое свойство своей заметно усилившейся энергетики, ее мощи теперь хватило на выжигание биополя живых существ, проверил во время штурма Варны. Даже самому стало неуютно от своей открывшейся способности, я превращаюсь в какого-то монстра.

Вернулись в Сечь в последних числах ноября, по утрам уже морозило, но до ледостава еще не дошло. Сирко здесь не застал, вместо него старшим Стефан Белый, войсковой судья. Вместе с ним определил сечевую долю в добыче, пожертвование в храм, остальное для раздачи казакам. Отправил все суда в скрабницу с частью трофеев, на круге вместе с есаулом Крыловским выдал каждому казаку причитающийся дуван. Он оказался самым большим за все мои походы, так что казаки не скрывали своей радости, поход выдался удачным, к тому же наши потери оказались минимальными, из десяти тысяч казаков, пошедших под моей рукой, вернулись домой почти девять тысяч. На круге казаки дружно заявили, что со мной они пойдут куда угодно, уже сейчас готовы признать меня походным атаманом в следующей компании.

Задержался в Сечи еще на несколько дней по служебным хлопотам, выправил у старшего отпуск до Рождества и наконец отправился домой. В хуторе заждались меня, не успел въехать в ворота, как стремглав, едва ли под копыта коня, ко мне бросилась малышня, взрослые тоже спешат. Первой подросла Аксинья, взяла за повод Черныша, моего нового скакуна, осторожно сошел с него, стараясь не задеть детей, ухватившихся за стремяна. Каждого из них поднял на руки, обнял и поцеловал в щечки, а они пищат от довольства, прижимаются к груди. Да, время идет стремительно, только недавно еще ползали в манежке, делали первые шаги, а сейчас носятся по двору, Петя уже просится на коня, настоящий казак растет. Посадил его в седло, он крепко ухватился за луку, глаза сверкают, улыбка на все лицо, подбежавшая Катя поддерживает его за худенькое тельце, беспокоится. Так вместе прошли круг по двору, ссадил сына, за ним попросились другие малыши, даже девочки, пришлось и с ними повозиться.

После прошли в дом, я раздал гостинцы и малым и старшим, ответил на посыпавшиеся вопросы о былом и пережитом в последнем походе. Когда же рассказывал о чуде и спасении на море, не упоминая о своей мольбе к всевышнему, все слушали, затаив дыхание, даже дети, как волшебную сказку с добрым концом. Едва я закончил, как послышался вздох облегчения среди моих подруг, они уже представили, что грозило мне и другим казакам в штормовом море. Первой высказалась Мария, надо непременно в воскресенье пойти в слободскую церковь, поблагодарить Господа за мое спасение, с ней согласились другие жены. После ужина долго не засиживались, отправили детей спать, сами отправились в спальню. Подруги немало удивили, возжелали вместе провести со мной первую ночь, а не ждать своей очереди. Не отказал им, сам увлекся семейной оргией, одновременно убаюкая четверых подруг. Справился к общему удовлетворению, им тоже понравилось, так вместе и решили продолжить все последующие ночи.

Днем иногда занимался хозяйством, а больше времени уходило на прием больных, занявших немалую очередь, все наши старые хаты заполнились ожидающими пациентами и сопровождающей их родней. Мои жены помогали в уходе за нуждающимися, убирались, проводили простые процедуры, они все прошли у меня начальный санитарный курс. В лечении сложных болезней и травм у меня произошел резкий сдвиг к лучшему, заметно легче давались операционные воздействия, да и в мастерстве поднялся. Я ясно видел всю картину болезни и необходимого лечения даже в самых сложных, практически безнадежных случаях, а прежде принимал решения интуитивно, чаще угадывал, но были и ошибки, приведшие к потере подопечных.

Связываю такой прогресс опять же с изменением в своем энергетическом поле после божественного чуда, поднявшим мои способности на качественно новый уровень.

Рождество встретил со своими домочадцами, для детей устроил елку как в своем детстве, только вместо нее поставил раскидистую вербу, повесил расписанные деревянные игрушки и гирлянду из бумажных колец, сам нарядился Дедом Морозом с мешком подарков. Дети вначале дичились, незнакомая им игра, а потом разошлись, стали соревноваться за призы, показывая свои таланты. Жены с интересом наблюдали за нами, чем же я занимаюсь с малышами, потом сами втянулись, пели песни, плясали, я им тоже давал подарки. Так необычно, с играми и весельем провели это Рождество, после я отправился в Сечь справлять свою службу, но каждый вечер возвращался домой, пока не приехал кошевой, уже в феврале, за Масленницей.

Пришло время мне снова заняться внешними делами, на Днепре возникли новые раздоры и угрозы, о них рассказал Сирко. Прошлая компания против османского вторжения прошла для союзных сил успешно, к осени полностью освободили Подолию и Правобережье, армия Речи Посполитой с севера заняла свои прежние земли вплоть до Каменец-Подольского, здесь встретилась с русскими полками, уже взявшими крепость. Вновь возникло противостояние между войсками и государствами, пока не перешедшим в прямую войну из-за наступившей зимы. Между казаками гетманов Самойловича и Гоголя также произошли стычки, как по воле их покровителей, так из-за земель, Гоголь потребовал уступить ему Умань, свою вотчину, взятую в прошлом году моими казаками, Самойлович отказался, решил взять под свою руку не только Запорожье, но и Подолию.

Гетман объединенного Запорожья не внушает симпатии ни Сирко, ни мне не только своими личными чертами, заносчивостью и недалеким умом, но и политической бесхребетностью, не старается отстаивать перед Московским государством интересы казацкого края. Верный пес царя, ранее Алексея Михайловича, после его смерти в минувшем году – Фёдора III Алексеевича. Немалая часть казаков не признает его гетманство, особенно на правобережье, держится только из-за московского гнета. В политическом плане он фигура временная, марионетка, но пока устраивает царскую власть, к другим казацким лидерам нет доверия, считая и Сирко. В прошлой истории объединяющим и авторитетным гетманом всей Малороссии стал Мазепа, сейчас его нет, при прямом моем участии.

У нас выбора нет, придется поддержать Самойловича и его хозяина, Московского царя, но и втягиваться в войну с Речью Посполитой и ее ставленником – гетманом Гоголем, считаем несвоевременным и вредным. Нельзя разжигать раздоры между союзниками и братьями, продолжая тем самым междоусобицу, тем более перед новым наступлением громадного османского войска, по сведениям доносчиков, вдвое большим, чем в прошлом году. Сирко поручил мне отправиться к казацким гетманам, любыми мерами остановить войну между ними, уговорить или заставить их сообща встать против осmano-татарской рати. С этим заданием я справился, не раз совершая поездки в Батурин и Чигирин к Самойловичу, в Винницу, временную ставку Гоголя, убеждал, приводил доводы, аккуратным давлением вызывал ко мне и моим словам доверие и расположение своенравных гетманов.

В мае 1677 года 200-тысячное осmano-татарское войско через подневольную Порте Молдавию вступило в многострадальную Подолию, вновь захватило Каменец-Подольский и Умань, в июне подступило к Чигирину. Почти вдвое уступавшая по численности царская армия и казацкие полки отступали, не смогли остановить врага на дальних рубежах, уже готовились отдать Киев и все правобережье. Сирко, как только пришла весть о вторжении неприятеля, бросил клич о помощи своим братьям на правом берегу. С Запорожья, Слобожанщины, Дона прибыли 30000 казаков, из них кошевой сформировал две армии, одну взял под свое командование, вторую доверил мне. Сам он решил пойти на нижнее Правобережье, занять татарские и османские крепости в устье Днепра и Буга, лимане, мне же поручил идти к Чигирину, помочь объединенному русско-казацкому войску.

По совету Сирко, с которым я сразу согласился, принял решение не присоединяться к основному войску, а идти к Бугу, пройтись рейдом по тылам противника, расстроить его обеспечение боевыми и другими припасами, а потом ударить в спину основным силам, деморализовать и бить по частям османские и татарские полки, не вступая в крупные сражения. Знакомая и уже проверенная нашими казаками партизанская тактика, доказавшая эффективность в прошлой компании. В конце мая переправились на правый берег и пошли скорым маршем к Бугу, не вступая в бои и не преследуя встречающиеся татарские отряды. На пути следования к нам приставали казаки из здешних паланок, ко времени выхода к Бугу у меня под началом собралось войско в 20000 казаков. Здесь встали лагерем и задержались на несколько дней, комплектовали новые команды, отрабатывали основные маневры предстоящего похода по неприятельским тылам.

На Буге мы пошли вдоль левого берега полосой в десяток верст, перехватывая вражеские обозы, уничтожая переправы и охранные отряды у них, оставляя свои заслоны. Так дошли до Винницы, закрепились редутами и заставами у переправ и поселений, после наши полки пошли рейдами до самого фронта основных сил противника. Вражеские полки, которые османы снимали для преследования наших отрядов, изводили засадами, внезапными атаками из балок, других скрытных мест, встречали на заранее выбранных укрепленных участках стрелковым и артиллерийским огнем. Занимать Умань и другие крепости мы не стали, били противника в полевых сражениях, так день за днем в течении июня обескровили противника и лишили его снабжения всеми нужными для ведения боев припасами и снаряжением. Сами же не знали нужды в них за счет перехваченных у противника обозов и складов.

В июле враг не выдержал ударов как на основном фронте от русских и казацких полков, так и с тыла, оставил захваченный им Чигирин и другие города в приднепровье, отступил в Подолию, в зону нашего расположения. Места для маневра нам стало меньше, все чаще приходилось вступать в прямые бои с превосходящими силами неприятеля, но держались, нередко занимая в опорных пунктах круговую оборону. Обломав зубы в бесплодных атаках на наши редуты, враг стал обходить их подальше, уходя дальше на запад. Мы перешли от обороны к вылазкам и наскокам на отступающие части, увлекали их под огонь стрелков и артиллерии, так перемалывали немалую часть осман, пока не подошли передовые полки Ромодановского и Самойловича.

Я прибыл в штаб московского воеводы под Уманью, прождал час, пока меня не вызвали на прием к нему. Здесь застал и гетмана, после приветствия старших представился как положено воинским предписанием, хотя обоим я хорошо известен по неоднократным встречам и переговорам. Кратко отчитался о проведенных операциях, нанесенных противнику потерях в живой силе и воинском обеспечении. Едва выслушав мой доклад, первым высказался Самойлович, нарушая субординацию, все же воевода считается старшим по положению. Без всякой признательности за немалый вклад моей армии в общий успех компании не терпящим отказа тоном приказал мне присоединиться к общему войску и атаковать отступающие османские и татарские отряды.

Наглая попытка гетмана подмять под себя чуть не завела меня, усилием воли сдержался, стараюсь отвечать спокойно, одновременно навожу на визави посыл благожелательности:

– Пан гетман, моя армия готова дальше бить осман. Но прошу понять, ее нельзя бросать в прямые атаки на изготовившегося противника, как обычную пехоту, больше пользы будет в обходных маневрах, ударах с тыла, встрече на подготовленных нами позициях. Предлагаю пойти мне в прорыв через отступающие части неприятеля в его глубокий тыл до Днестра, расстроить порядки и снабжение, занять опорные крепости, там и встретить основное войско врага.

Тут же давлею в зачатке раздражение Самойловича, его желание дать мне резкую отповедь, через несколько секунд он успокаивается, смотрит на Ромодановского, с интересом следящего на нашей перепалкой. Тот кивает утвердительно головой, гетман соглашается:

– Добре, так тому и быть, пойдешь к Днестру.

Мы уже в более позитивном, деловом настрое обсудили маршрут, сроки, снабжение артиллерией и снаряжением, припасами, другие детали предстоящего рейда, а после расстались, я отбыл к своему войску готовиться к маршу. В подобном ключе проходили наши последующие встречи до отбытия моей армии, с небольшим моим воздействием командующие шли навстречу нашим нуждам, особенно в полевой артиллерии на конной тяге и припасам к ней, мы с собой из Сечи взяли только легкие пушки. Полностью снарядившись и отдохнув, направились в прорыв через строй неприятеля, вставших на правом берегу Буга. Под заградительным огнем артиллерии и стрелков переправились на другой берег, массированным ударом разорвали линию обороны противника и вырвались в степные просторы междуречья.

Шли неспешно, с усиленными дозорами и охранением, неприятельских отрядов и групп предостаточно, сопровождают нас от самого Буга, да и в засадах нередко поджидают. Время от времени прослеживаю окрестности по нашему пути движения глазами луны или канюка, других парящих в небе птиц, подключаться к их сознанию и управлять ими у меня не вызывает сложностей. Крупных стычек с османскими и татарскими отрядами после выхода в степь не случилось, мелкие же схватки с наскაკивающими из-за холмов или из балок вражескими группами происходили ежедневно, с ними справлялись наши патрули. За две недели дошли к Днестру выше Сорокской крепости, переправились на правый берег, здесь разошлись, часть полков отправил в верховья к Хотину, другую вниз, к Тягину, сам остался с центральной группой брать Сороки.

Огнем полковых пушек выбили артиллерию крепости, штурмовые отряды сноровисто заняли ворота, помог им уничтожить стражу, оттеснили от наружной стены, а потом прорвались во внутреннюю цитадель, за ним остальные бойцы. После завершения уличных боев оставил в крепости один из полков и часть артиллерии контролировать Днестр на этом участке, остальные разошлись по обе стороны, перекрывая все переправы. У них выстроили опорные пункты, оставили в них стрелков и пушки, основные силы ушли в рейды к Бугу, уничтожать отступающие части неприятеля. Приступили к привычной партизанской войне, избегали крупных боев, нападали на разрозненные отряды, а потом отступали, завлекая на временные редуты, там залповым огнем в упор выкашивали осман и татар, переходили на другой участок и вновь устраивали ловушки.

После, когда неприятель подступил к самому Днестру, все силы сосредоточил на переправах и у крепостей, не позволяя перейти ему на правый берег. Позади осман подпирали подошедшие русские и казачьи полки, оказались меж двух огней, пришлось им приступить к отчаянному штурму нашего берега. Атаки шли несколько дней, османы и татары тысячами гибли на воде, но упорно пробивались к спасению. Малой их части удалось пройти наши заслоны и уйти к своим, но основные силы мы выбили, вместе с полками на той стороне Днестра, главную задачу этой компании выполнили, отбили нашествие османо-татарского войска с большим ему уроном. Ромодановский не стал переходить на правую сторону Днестра и вторгаться в Молдавию, оставил на левом берегу свои заставы и охранные отряды, с основными силами и казачьими полками Самойловича повернул обратно к Днепру.

На прощание, когда я переправился на левый берег и прибыл в главный штаб, московский воевода от души поблагодарил меня и мое войско за героизм и воинское мастерство в битве с грозным врагом, пообещал доложить о моем участии в победе самому царю. После добавил, что Московское государство ценит мою верность и приложенные мною усилия на его благо, сам он два последних года внимательно следит за юным, но подающим большие надежды командующим, зрелым не по годам государственным мужем в своенравной Сечи. Готов хлопо-

тать за покровительство со стороны Москвы в случае избрания меня кошевым атаманом вместо Сирко, этого хитрого лиса, готового переметнуться в любую сторону, хоть к посполитам, хоть к османам. Для меня такое мнение московского боярина, близкого к царю, важно, идет навстречу моим планам, поблагодарил за доброе слово и высказанное доверие, но после добавил, что именно Сирко поручил мне вести переговоры в пользу Москвы, сейчас он всецело на ее стороне. Ромодановский усмехнулся, но не стал спорить, только махнул рукой, поживем-увидим.

На общем круге своего войска поздравил всех воинов с победой над злейшим врагом, а затем предложил пройти по Молдавскому княжеству до самого Прута, побить и разорить османские крепости, пока неприятель слаб. Как и предполагал, казаки тут же согласились, хотя добычи в захваченных крепостях набрали не мало, но все же не столько, как в наших прошлых походах. Пошли по княжеству широким фронтом, от Хотина и Черновцов до самых Ясс, столицы княжества, громя по пути османские гарнизоны в городах и поселениях. Большинство они бежали, едва заметив наше приближение, но доходило и до штурмов, как в Фалчи, Сучаве, Черновцах. В Яссы мы не стали входить, у распахнуты ворот наше войско встретил сам князь, господарь Антоние Русет, грек по происхождению, приверженец Порты. Уговорил не разорять город, османского войска здесь нет, предложил немалый откуп. Так и разошлись миром, продолжили марш к югу до Измаила.

Османскую твердыню на Дунае мы брали неделю, самый крепкий орешек в Причерноморье, но сладили. Побили многочисленные артиллерийские бастионы, а после завалили рвы фашинами, прошли земляной вал и забрались по лестницам на высокие стены. Мне пришлось немало поработать, беря под контроль немалый гарнизон из семи тысяч осман, помогать нашим бойцам взять укрепления, а затем в уличных боях зачистить от остатков вражеских сил. После дал два дня на разграбление города и крепости, но без резни мирного населения. Разошедшихся казаков, без особой нужды применявших насилие, пришлось принародно наказать, лишиться части добычи, но никто из казаков, во всяком случае вслух, не роптал, уже привыкли к моим требованиям, наказанные пеняли на себя.

После взятия Измаила повернули на восток, возвращаемся домой. Повоевали мы в этом походе знатно, помогли отбить вражеское нашествие, а после побили осман и татар в крепостях, всего уничтожили неприятеля около тридцати тысяч душ, свои потери составили в десять раз меньше. Да и добычи взяли премного, наш обоз из пятисот битком заполненных повозок растянулся на несколько верст. Потихонечку добрались к Ингулу, тепло попрощались, щедро наделив дуваном, с правобережными казаками, в конце августа пришли в Сечь. Сирко со своим войском месяц как вернулся, повоевал неплохо, зачистил от татар все южное правобережье, перехватил и уничтожил караван османских судов, шедших с припасами к Газы-Кермену, а затем сами крепости на Днепре и Южном Буге. Счет уничтоженному противнику у него поуже, втрое меньше, чем у нас, потерял больше пяти тысяч казаков, да и добычи взял намного меньше, похоже, старый атаман теряет хватку. Это стали понимать все казаки, участвовавшие в наших походах, среди них пошли разговоры о смене кошевого на более удачливого.

Глава 4

Не успел вернуться в Сечь и разобраться с делами прежнего похода, как неутомный Сирко предложил мне вновь, сразу после Покрова, вести казаков к османам на чайках, теперь к южному берегу Крыма. Правда, пойдём меньшим числом, чем в прошлом году, будет шесть тысяч бойцов. Пришлось согласиться, отказывать ни кошевому, ни казакам нельзя, подобное в боевом товариществе просто немыслимо. Ещё неделю занимался службой, делил дуван, сдал трофеи, пушки и прочее снаряжение в скрабницу. Сразу поручил специально отряженным казакам отобрать и подготовить сотню чаек для новой экспедиции. После, почти весь сентябрь, провёл дома среди любимых детей и жен, занимался разросшимся хозяйством, семейными хлопотами. Не мог отказать страждущим в излечении от хворей, хотя времени для него почти не оставалось, части из них пообещал принять зимой, когда буду свободнее.

Только одно событие омрачило наше семейное благодушие, в одно утро в своём старом доме тихо, незаметно ушёл в другой мир мой тесть, Аким Никанорович. Ни он, ни Дарья Степановна не захотели перейти к нам в новый дом, подозреваю, что они, смирившись ради счастья дочерей с моим гаремом, не пожелали видеть каждый день своими глазами противное их морали беспутство. Похоронили старого казака достойно, на слободском погосте, прежде батюшка в храме отпел покойного, после помянули от души добрым словом, у меня самого с тестем сложились взаимные уважительные отношения и приязнь. Дарья Степановна разом постарела, потеряла привычную ей живость в движениях и словах, сидела часами на завалинке, уйдя в свои тягостные мысли. После немного отошла, но былая бодрость уже не вернулась, весной следующего года ушла вслед за мужем.

Накануне Покрова вернулся на службу, съездил в скрабницу, принял чайки и снаряжение, с командой казаков-перегонщиков привёл флотилию к сечевым причалам. На празднике после молебна в храме вышел с Сирко и другими старшинами в круг. Кошевой объявил о походе и предложил меня походным атаманом, никаких уговоров не понадобилось, всеобщее одобрение казаков само сказалось о их выборе. Дальше выступил я, поблагодарил за доверие, рассказал вкратце о предстоящей кампании, велел через неделю прибыть в Сечь. На этот раз мы не стали приглашать казаков со стороны, только сечевые, да и особой нужды в большом воинстве нет, серьёзного сопротивления от потрепанного в этом году османского войска не ожидалось. Маршрут знакомый, прошли им три года назад, возможные трудности и опасности нам известны.

Татарские крепости в устье прошли без каких-либо трудностей, после недавнего их взятия и разрушения армией Сирко там только приступили к ремонту башен и ворот, даже цепь поперек Днепра ещё не поставили. Когда мы проплывали мимо, татары забились как мыши в норки, боясь, что мы обратим ненужное им внимание. Наверное, не один пот сошёл с них, пока последняя чайка не минула их. В лимане ситуация сложилась намного серьёзнее, там флот вырос против прошлогоднего, одних галер больше двух десятков, малых судов больше сотни. Сила превеликая, да и нас меньше, но обходить вражеские корабли тайком считаю неправильным, нам ещё возвращаться с немалым грузом, как я предполагаю. Решаюсь повторить прошлогоднюю операцию, захватить и уничтожить весь османский флот. Так намереваюсь действовать и в последующем, не думаю, что османы будут раз за разом посылать сюда пропадающие неизвестно каким образом эскадры, практически на верную гибель, слишком накладно даже для их огромного флота, да и ужас перед таинственной опасностью также должен повлиять.

Моя уверенность в успехе предстоящего боя зиждется на намного возросшей силе моего энергетического поля, ещё год назад, до известного всем казакам чуда в море, я чувствовал ауры людей и мог управлять ими на расстоянии до версты, сейчас же вдвое, даже втрое больше,

причем силовым ударом мог уничтожить аурную оболочку живых душ на всей контролируемой площади. Можно сказать, что у меня создалось личное оружие массового поражения, но прибегать к нему без особой нужды не хочу, лишней славы и страха у других мне не надо. Решил обойтись только парализующим полем, как и прежде, при необходимости прибегнуть к точечным ударам, как в поединке с неприятельским магом. Сканирую в сигнальном режиме расположение османских кораблей, подозрительных очагов и сгустков силового поля не вижу, приступаю к операции.

Распределил между командирами полков группы вражеских кораблей, наше взаимодействие, потом открыто, среди белого дня вышли из устья на открытую воду. Османы, по-видимому, опешили от нашей наглости, только через несколько минут стали разворачивать свои суда и идти нам навстречу. Пропустил их до безопасной для нас дистанции, взял под контроль экипажи ближних кораблей, по мере приближения и других. Когда вся османская армада застыла перед нами, казаки на чайках обошли ее по кругу, а потом принялись методично, судно за судном, вырезать их экипажи, исключая гребцов-рабов. Понадобилось полдня, пока бойцы справились со ставшей рутинной работой, после перевели рабов и ценные грузы, пушки и припасы на отобранные мною десятков кораблей, а остальные сожгли.

Заночевали здесь же, на месте боя, на следующее утро пошли в открытое море, оставив несколько судов бывшим рабам, пусть идут куда пожелают. Часть из них, около пятисот душ, пристала к нашему войску, перевел их в сформированные из казаков экипажи трофейных кораблей. Как и прежде, перешел со своими помощниками и командой на головную галеру, по-видимому, бывшего командующего османской эскадры, судя по богатому, в шелках и бархате, украшении кают. Шли не спеша, пока срабатывались новые экипажи на галерах и галиотах, да и скорость у них ниже, чем у чаек. Ветер дул не в совсем удобном направлении, почти половину пути прошли на веслах, все же через десять дней дошли к первому выбранному нами порту – Судаку.

Вошли в порт на трофейных судах, не дожидаясь вечера, издали, из гавани, обездвижаю весь порт, по мере приближения захватываю крепость. Проходим спокойно к причалам, казаки на галерах бравируют на глазах пораженных осман и экипажей торговых судов, они со мной потеряли страх, идут напролом, захватывая охрану порта и суда. Вскоре подошли чайки, всем войском прошли в ворота, уничтожая застывших стражников, дальше растеклись к башням и бастионам крепости. Редкие очаги сопротивления подавлялись залповым огнем стрелков штурмовых групп, а больше просто вырезали всех осман на пути. Два дня грабили город, создалось впечатление, что казаки прихватили все, что возможно, вплоть до гвоздей и посуды. Хорошо хоть, что до убийства жителей не дошло, сопротивляющихся били нагайками, но сабли в ход не пускали, никому не хотелось терять часть добычи, в моем войске такое стало законом.

Почти также захватили крупнейший османский порт – Кефе, почти без жертв с нашей стороны, на грабеж ушло пять дней, забили добром все трофейные корабли, еще пять прибрали из торговых судов в порту. Дальше мы не пошли, другие города и порты не столь богаты, да и взятого имущества больше некуда, тяжело осевшим караваном пошли в обратный путь, с нами на кораблях еще пять тысяч освобожденных рабов всех вероисповеданий и народов, возжелавших покинуть закабаливший их Крым. Шли три недели, после теплого еще моря заморозки в родных краях почувствовали ощутимо, но внутренне грела мысль о скором прибытии домой. В начале декабря пришли в Сечь, разгрузились, отпустили освобожденных рабов, треть из них осела в наших краях, часть вступили в казачье воинство. После раздачи дувана казакам и сдачи войскового имущества и трофеев в скарбницу взял длительный отпуск, почти до самой весны.

Большую часть времени лекарствовал, каждый день принимал дюжину и более больных и увечных, постепенно, со временем я научился восстанавливать некоторые нарушенные функ-

ции рук и ног, слуха и зрения, внутренних органов. Конечно, отрачивать оторванную конечность я не мог, но снимать паралич или боли при ходьбе и других движениях, возвращать слух и зрение зачастую получалось, они в большей части происходили из-за ущемления и повреждений нейронных связей и нервной системы. С ними я справился после внимательного изучения ауры больных, отклонения ее картины в пострадавших участках от нормального фона. Аккуратными, осторожными действиями соединял поврежденные нейронные цепи, локализовывал пораженные нервные узлы и каналы, а после восстанавливал здоровую структуру. Шаг за шагом, от одного больного к другому мне все лучше давались тонкие операции с со сложнейшей системой в человеческом организме без всяких хирургических инструментов, только энергетическим полем.

О чудесном исцелителе, возвращающим способность двигаться или видеть, пошел слух по свету, ко мне повалили страждущие со всех малоросских земель, от Подолья до Черниговщины, с Молдавии и Галиции, русских воеводств – Белгородского, Курского или Орловского, даже с Поволжья. Наших хат для их размещения не хватило, они поселились в окрестных хуторах и слободе. Чтобы ускорить прием больных и рассеять ненужные надежды, ежедневно утром проводил первичный осмотр прибывших, отсеивал из них пациентов с патологическим разрушением тканей и органов, отправлял обратно, с такими увечьями я бессилен помочь. Остальным назначал день приема и старался вложиться в установленный график, иногда трудился до поздней ночи.

К своему удивлению, особой усталости от тонкой напряженной работы на протяжении многих часов я не чувствовал, только легкое утомление, запасы моей энергии казались неисчерпаемыми. В такой своей форме видел опять же божье предписание, помочь всем людям, нуждающимся в моем лечении. Большим подспорьем стала помощь моих жен, ухаживали за больными, ожидающими приема, убирались в лечебном кабинете и лазарете для выздоравливающих, сами проводили перевязки, готовили настои из трав и корней. Правда, от Кати и Насти помощь невеликая, обе опять на сносях, как будто сговорились, почти одинаковый срок, в мае должны родить. Старшие взяли на себя самые трудные хлопоты, особенно Мария, ассистирует мне в приеме обычных больных, многое уже может, сама почти лекарь.

По дому и хозяйству посильную работу тянут дети, от старших – Андрея, ему исполнилось шестнадцать лет, весной просится в Сечь, и Даши, двумя годами младше, до малышни, дети в казацких семьях приучаются к труду с малых лет, наши не исключение. Все работают с удовольствием, никого принуждать не надо, вообще в нашей большой семье сложилась дружная атмосфера, все стараются помочь друг другу. Так в трудах и хлопотах встретили Рождество, я вновь провел детям елку с дедом Морозом, хороводом, песнями и призами. На Масленицу покатались на санях, ледяной горке, в слободе побывали на ярмарке и потешном балагане, старшие сыновья приняли участие в скачках и взятии снежного городка с призом на высоком столбе. Я им дал своих коней, Андрей среди ровесников стал третьим, а тринадцатилетний Максим даже вторым, получили свои первые награды, дома их мы все вместе отпраздновали.

В марте вернулся к сечевым делам, надо готовиться к новому походу, Сирко еще осенью предложил идти в Крым на северную его часть. За три года после предыдущего ограбления там уже должны нарастить жирок, пора снова пошукать татар. Выход намечен на начало апреля, пойдем с обозом и полевой артиллерией, надо еще их снарядить и подготовить. Тем и занялся, не раз пришлось съездить в скрабницу, пока там собрали все нужное. В последних числах марта в Сечь приехал кошевой и сразу отправил нарочного ко мне, я незамедлительно прибыл на его зов к нему домой. С последней встречи он заметно сдал, даже в движениях чувствовалась слабость и замедленность. После приветствий пригласил за стол, сам тоже грузно присел на лавку а потом, вздохнув, проговорил:

– Иван, принимай на себя бразды, ухажу я.

Не сразу понял его, переспросил: Иван Дмитриевич, о чем Вы? Куда уходите, какие бразды?

Еще раз вздохнув, Сирко разъяснил мне:

– Будем на круге решать, кто будет кошевым атаманом. Сам я уже больше не могу, сил нет, пора мне на покой. Буду у себя в Грушовке пчел разводить, заведу пасеку. Хочу тебя предложить, думаю, казаки согласятся, да и некому больше, никто не может сравниться в воинском деле и походах, даже господь благоволит к тебе.

Я в общем готов был перенять атаманство у Сирко, но не ожидал так скоро, предполагал еще год-другой поработать с ним, набраться от многоумудрого и хитрого кошевого опыта правления своенравным и разбойным воинством, ведения немалого сечевого хозяйства, но вижу, ему действительно трудно. Явных признаков болезни в Сирко не замечаю, по-видимому, общая усталость, рад переложить немалый груз на мои плечи. Не стал уговаривать своего учителя, считал и до сих пор считаю старого атамана им, согласился, но казаки сами должны решить с выбором, так и заявил ему. Он лишь усмехнулся, какие могут быть сомнения?

На собравшемся перед походом круге Сирко после приветствия воинства сразу начал речь о невозможности своего дальнейшего атаманства и тут же предложил избрать меня, заявил, что с чистой душой может уйти на покой, передав дела кошевые в такие верные руки. Казаки выслушали своего уже бывшего атамана молча, никто не выразил несогласия. После, когда Сирко завершил свое выступление, еще минуту стояла тишину, неожиданный для многих поворот с высшим своим руководителем, а потом один за другим брали слово старые казаки, старшина, от души благодарили старого атамана за многолетнюю заботу о запорожском воинстве, каждый из них согласился выбрать меня новым кошевым атаманом, высказали немало добрых слов в мой адрес. После кошевой, собрав свои силы, зычным голосом подвел итог выступлений:

Братья казаки, согласны ли вы выбрать кошевым атаманом славного казака и воителя Свирькова Ивана Лукьяновича?

Тут же раздался на весь круг дружный ответ: – Согласны!

Кошевой медленно, торжественно повернулся ко мне, все также громко, на весь круг, продолжил:

– Иван Лукьянович, запорожское воинство выбирает тебя кошевым атаманом! Прими атаманские клейноды!

Поднял высоко правую руку с атаманской булавой, отделанной ценными камнями, несколько секунд подержал над головой, а потом вручил мне, после передал личную хоругвь, войсковое знамя из рук хорунжего, печать. Я также торжественно принял регалии атаманской власти, обратился с речью к казакам, поблагодарил их и Сирко за великую честь, поклялся приложить все силы на процветание и возвеличение воинского братства. После указал, что дальше будет идти уже принятым чередом, сейчас у нас первым делом поход в Крым на извечного врага, разъяснил особенности и условия его проведения, дал три дня на подготовку личного снаряжения и коней, ответил на вопросы казаков и распустил круг. В канцелярии весь день принимал от Сирко документы и другие дела в присутствии войсковых судьи и писаря, после он сдал мне дом кошевого, уже под вечер, тепло распрощавшись со мной и казаками, пришедшими проводить его, отбыл с почетным сопровождением в свое село Грушовка за десяток верст.

В оставшиеся до выхода в поход дни разбирался с войсковым писарем и казначеем состоянием сечевых дел, архивными и учетными документами, финансовыми отчетами. В прежней жизни особо не вникал в делопроизводство, только иногда помогал отцу заполнять формуляры, гроссбухи и отчеты по его роте. Но даже с малыми знаниями по ведению документации и учета мне едва ли не сразу стало понятно, что в сечевой канцелярии с ними, мягко говоря, обстоит не очень хорошо. Никаких актов приема или сдачи ценностей, кроме каракулей

в ведомостях, нет других отметок о денежных и материальных движениях, наличии остатков имущества с их описью, и еще многого другого, свидетельствующих о не паханом поле в наведении здесь порядка. Думаю, после возвращения с похода надо хорошо продумать и твердой рукой, но аккуратно, не ломая дров, вводить новую систему материально-финансового и прочего учета.

На время моего отбытия из Сечи замещать меня будет войсковой судья, такой порядок установлен издавна, особых поручений у меня к нему нет, Стефан Белый сам прекрасно разберется с текущими заботами. Передал ему печать, знамя, себе оставил булаву и атаманскую хоругвь, в день выхода распрощался со старшиной, оставшейся в Сечи, после в сопровождении есаула Крыловского, других помощников отправился в лагерь на левом берегу. Здесь собралась немалая сила, вместе с прибывшими на мое приглашение казаками с правобережья и других казацких земель, числом почти тридцать тысяч бойцов. Даже поразился такому отклику на мой призыв, реально рассчитывал на 12—15 тысяч, но не беда, боевой работы и добычи на всех хватит, просеем весь Крым от западного побережья до азовского, на юге до Крымских гор.

Наш поход в Крым к татарам занял почти три месяца, вначале прошли по Дикой степи до Кубани, перехватывая стойбища (улусы) татар-ногайцев и захватывая их скот, коней и ценное добро, отправили караваном под охраной в Сечь. Самых ногайцев вырезали безжалостно, детей, женщин, стариков тоже. Дальше приступом заняли Перекопский вал и крепости, вышли в степную часть Крыма, там разошлись тремя армиями. Восточную под командованием полковника Ивана Стягайло направил брать крепости и поселения на азовском побережье до самой Керчи (Ени-Кале). Западную армию возглавил есаул Крыловский, на нем все западное побережье до Херсонеса на юге. Сам же с центральной армией взял Акмесджид и Бахчисарай с окружающими крепостями, а затем прошел частой гребенкой по степи, вырезая татарские стойбища бейликов (княжеств) Ширин и Мангыт.

В конце июня вернулись в Сечь, ведя и везя с собой не только богатую добычу, но и почти десять тысяч освобожденных рабов, а также три тысячи ремесленников – кузнецов, литейщиков, медников, ювелиров, плотников, каменщиков, оружейников, кожевников, ткачей, сапожников, гончаров из армянских, греческих, еврейских кварталов и поселений. Их я и мои помощники наняли уговорами и посулами, кого-то увели насильно, вместе с семьями. У меня сложились свои планы по развитию ремесел в Запорожье, положить начало сельскому и промышленному производству. По отчету казначея главную статью дохода Сечевого братства составляет добыча в грабительских походах, собственных источников почти нет, если не считать подати от шинок и корчмы за винную продажу, дани от перевозов через пороги, а также царское хлебное и денежное жалованье. Своего производства и ремесел, кроме как в самых насущных потребностях, тоже нет, нужные вещи и товары привозятся из Слобожанщины или добываются в грабежах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.